

Выступление делегата Р. Г. Гамзатова

Товарищи делегаты! В эти дни нам задают вопрос: что же вы ждете от вашего VIII съезда писателей? Это — вопрос не главный. Но все же мы советовались с основателем Союза Алексеем Максимовичем Горьким, и он сказал те слова, которые мы сказали на I съезде: «Никто из нас не имеет права друг над другом командовать. Учиться друг у друга — это наша обязанность».

На поспешно переименованной Zubовской площади Михаил Шолохов повторял слова, сказанные на II съезде писателей: «Маленькие речки много шумят». А Маяковский, когда мы были в воскресенье у него, воскликнул: «Жаль, что не доругался».

В канун съезда был день рождения Твардовского. Я с группой писателей был у его могилы и у его дома. Если бы с этой трибуны повторял его речь, произнесенную на третьем съезде писателей, это было бы наиболее актуально и сегодня. Взвесив количество и качество наших сочинений, написанных о пяти тысячах членов Союза писателей того 1959 года (а сейчас их более 10 тысяч), высмеивая многочисленных оргермопрания бюрократов от литературы, он говорил: «Так дальше жить нельзя» и добавил: «Мы так жить и не будем». Но, увы, до сих пор так живем. И как говорил Николай Гладков: «От моря и до поля ржи дорога нелегкая».

Да, товарищи, вопросы, споры, суждений о литературе и жизни, о художнике и обществе, о времени и о музее, о позициях и о нациях, об утраках и приобретениях, о полях Родины и памятниках культуры накопилось много. Мастера и кустари, тихие и шумные «генералы» и рядовые, народные и модные — много деревьев росло в нашем саду и посажено в наших парках. Говорят, что все знают только все. Но даже все мы не можем рассказать, тем более сказать, о нашем обнаженном и в то же время таинственном ремесле. Это такой узел, что рукам и развязать невозможно, зубами как-то неудобно, а с кинжалом надо быть осторожным. Имя мы часто не туда махали. И не

тех рубили. В этом вопросе и в других вопросах наши учителя — природа, опыт годов и genialности веков. Говорят, что от кривой палки прямой тени не бывает, по кривому, тернистому, темному девятнадцатому веку, как по тоннелю с лампой шахтеры, шли отчаянные гении и осветили своими размышлениями все стороны жизни всех времен и всех народов. Подумайте только — «Былое и думы», «Война и мир», «Преступление и наказание», «Отцы и дети». Я думаю, что более важных тем и проблем и сегодня для каждого человека и всего человечества нет. А какие вопросы гения России перед обществом ставили. Послушайте: «Кто виноват?», «Что делать?», «Кому на Русь жить хорошо», «А судьи кто». На эти вопросы достоверно ответил Ленин и великая наша революция. Потому на эти же вопросы отвечали Отечественная война и наша Победа. А в настоящее время на эти вопросы отвечает наша партия повседневными делами страны. Правда, мы пока что предпочитаем больше говорить, что виноват, чем кто виноват. И человеческий фактор, о котором мы говорим, пытаемся использовать по-своему для себя. Современные обломовы, хамелеоны, хлестаковы по-своему стали пристраиваться. Многие чиновники и чиновочитатели. Кое-кому не по душе курс, взятый на демократию, гласность, ясность, требовательность. Все еще существуют посты ГАИ на пути свежих мыслей, новаторских начинаний, новых форм и поисков нашей работы. Эти всезнающие ГАИ продолжают проверять наши удостоверения по правилам движения, и порой мы больше пострадаем от бдительности, чем от притупления бдительности этих людей.

Наша литература, великая литература, многоязычная достойно и хорошо продолжает свое великое, достойное дело. Лучшим писателям из нас, цельным писателям, нет необходимости перестраиваться и переседываться. Либо лучшие писатели из природы и не из погоды, не из праздноболтающихся, а из болюющих за великое дело любви. Что греха таить, многие из нас научились быстро перестраиваться. Робот-

ные романы и компьютерные стихи выдавать за моду ускорения.

У нас в Дагестане есть высокая гора Гурымб. Говорят, где бы гром ни гремел, град и дождь падают туда. Художник на виду. Он высокая гора. Где бы гром ни гремел, где бы огонь ни горел — все колокола тревог, оласности, обид и более звенят в нас. Мы из раненых и искалеченных, но говорящих правду, без которой нет смысла жить и работать. Язык беды так же, как и язык победы. Его можно понять без переводчика. Но одной из особенностей нашей литературы является ее многоязычность. У нас заслуженным людям присваиваются разные звания. Мне по душе звания, которые присваиваются в Японии заслуженным людям, его называют там — человек — это сокровище. Я бы так назвал лучших переводчиков нашей страны, которые познакомили нас друг с другом. Они довели нас из далеких аулов до Москвы, до самого Кремлевского дворца.

Важность и значимость этого дела требует от нас быть требовательными, чтобы хорошее дело не имело отрицательных результатов для нашей литературы.

Больно и обидно, что второе рождение того или другого произведения проходит у нас часто не только не безболезненно, но и стало носить инкубаторный характер. Подрядные и бригадные методы, в которых нуждается народное хозяйство, неприемлемы в деле переводов. Это не должно быть массовым явлением. Нужно к этому делу относиться серьезно. Эти командировочные стихи и туристические поэмы выдаются за интернационализм, эта книжально-браслетная литература выдается за глубоко национальную. Часто эти произведения появляются на русском языке раньше, чем на родном языке.

Я точно не знаю, где в нашей стране рождаемость больше. Но незаконнорожденные произведения носят довольно опасный характер. В свое время Шекспир говорил, что есть что-то гнилое в датском королевстве. Но думаю, что есть что-то датское в нашем переводческом государстве. Вот

тут бы требовать вмешательства ГАИ, о котором я говорил, чтобы, прежде чем переводить на другой язык, художник был признан на своем родном языке, в своем родном ауле. Получается парадокс. Люди, своими произведениями призванные утверждать краски и богатство языка своего народа, люди, обязанные передавать его родниковую чистоту другим поколениям, своими неяркими выдумками губят его, засоряют его. А через многочисленные переводы посредственных переводчиков засоряют великую литературу.

Этого нельзя допускать. Я вношу предложение: было бы целесообразным, чтобы наши издательства проявили осторожность, принимая рукописи не обсужденные, не рекомендованные писательскими организациями республики, кто бы их автор ни был. А то очень много нас народных и заслуженных, как будто другие писатели — антинародные и незаслуженные. Часто эти звания, издания, награды выдают как торжество национальной политики, но это не политика, а политиканство. Но, с другой стороны, мы часто перестаем учитывать национальные особенности того или другого народа, я имею в виду тиражную, листажную политику и отношение к историческому прошлому тех или иных республик, особенно наших автономных. Тираж одной поэтической книги на Украине 4 тысячи и у народов, которые говорят на девяти языках, 10 тысяч. В Дагестане литература издается на девяти языках. В Татарии, где говорят на одном языке, книг больше, чем в Дагестане, не говоря о Туркмении, где книги издают на одном языке. Когда мы говорим об этом, нам говорят: почему у вас так много языков. Языки объединить нельзя, лучше, когда языки нас объединяют.

У каждого народа есть свое историческое прошлое. Без прошлого нет народа, какой бы народ ни был, а он имеет историю. Эти исторические завоевания завоеваны революцией, и это имеет прямое отношение к главному, которое мы обсуждаем. А главное для нас — это миру — мир и порядок страны (Апладисменты).